

Татьяна М. Шумова

Казимир Малевич в исторических обстоятельствах смены платформ и понятий : Искусство и ПСИХОЛОГИЯ

Sztuka Europy Wschodniej Искусство Восточной Европы Art of Eastern
Europe 2, 65-71

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

POLSKA – ROSJA: SZTUKA I HISTORIA
ПОЛЬША – РОССИЯ: ИСКУССТВО И ИСТОРИЯ
ТОМ II

Татьяна М. Шумова
Московский союз художников

Казимир Малевич в исторических обстоятельствах смены платформ и понятий. Искусство и психология

У Казимира Малевича¹ было счастливое детство (как известно, детство во многом определяет – как именно сложится дальнейшая жизнь человека). Хорошее детство подводит перспективную базу под развитие личности, что важно для творческого человека.

Определенная доля юношеских несчастий также необходима для сложения гармонично развитой цельной личности. Такая составляющая в жизни К. Малевича также присутствовала.

А вот взлет запланировать невозможно, однако у Малевича он произошел. Судьба распорядилась так, чтобы падения за ним не последовало.

Психологи определили, что большая часть людей стремится вписаться в сообщество похожих индивидов. Примерно треть людей готова „подстраиваться” под тот коллектив, который привлекает их внимание. Только крайне небольшой процент людей – сформировавшихся самостоятельных личностей – не ищет тесного единения с другими людьми и готов большую часть времени существовать автономно в состоянии творческого отношения к действительности.

Таким образом, человечеству присуще стремление занять определенную нишу для сохранения своей жизни. Редкие экземпляры готовы выйти на открытое пространство, но именно они могут создавать существенные изменения в продолжении линии жизни человечества в целом. Когда речь идет о культуре, процент самодостаточных творцов, меняющих ткань человеческого существования, значительно повышается. Выход в „чистое поле” совершается после возникновения ряда условий для „созревания” личности творца. Всегда интересно проследить, как именно складывались предпосылки такого решительного покидания ниши и чем, собственно, заканчивались эти поступки. Данный текст как раз посвящен поискам ответов на поставленный вопрос и детальному освещению некоторых событий, существенно повлиявших на жизнь и творчество Казимира Малевича.

Процессу взросления личности свойственна определенная волнообразность. Это легко проиллюстрировать на примере отношения к расположению скульптурного изображения человека: так античная скульптура не только пряталась в храмах, но и существовала на открытом воздухе. Средневековье же размещало чело-

---

¹ Вакар, Михиенко (2004); Малевич (1987); Douglas (1994).

веческие фигуры в нишах. Возрождение опять вывело скульптуру на воздух и площади. Тот же пульсирующий ритм наблюдается в конкретных человеческих судьбах.

Часть первая. Ниша детства

Начнем с истоков. Детство Казимира Малевича прошло на Украине. Природа края достаточно добра к человеку – нет резких перепадов, суровых зим и засушливых лет, течение сельской жизни благоприятно и разнообразно. Растительность пышна и многоцветна, буйство красок присутствует в течение большего времени года и радует глаз. Животный мир также отличается разнообразием и не очень агрессивен по отношению к человеку. В этом дружелюбном и пышно цветущем мире прожил Малевич свои юные годы.

Мать, Людвиг,² воспитывала его католиком, отношения в семье были добрыми. Отец,³ Северин Малевич, был высокооплачиваемым специалистом по наладке линий обработки сахарной свеклы, что влекло за собой частые продолжительные командировки опытного инженера по всей территории, производящей сахарную свеклу. Бывало, что семья перемещалась вслед за главой семейства. Дом был достаточно открыт и хлебособен, чтобы мальчиком Казимир знакомился с проявлениями разных культур. Носители украинской, польской, русской культур постоянно смешивались в доме и вокруг него. Фигура Северина Малевича привлекала многих образованных людей и мальчику разрешали присутствовать при встречах и диспутах. Здесь же Казимир учился определенной толерантности, так как его отец обладал ироничным характером и зачастую собирал за одним столом католического и православного священников, умело приводя их к богословским спорам точно заданным как бы невинным вопросом. Так – через смену мест жизни и широкий круг общения – мальчик впитывал разнообразие и многогранность мира окружающих его людей.

Из детства Казимир Малевич вышел русскоговорящим поляком, католиком в среде украинских униатов и русского православия, при отце, склонном к атеизму. Окружавшая мальчика сре-

да также не была однородной – дома свободно говорили по-польски, по-русски и на бытовом украинском. Нет необходимости напоминать, насколько важен язык для формирования личности ребенка. Казимир Малевич с детства был подготовлен к приятию многомерности мира. Каждый из языков, составлявших среду общения вокруг него, нес свой взгляд на этот мир, свое строение и структуру формирования мыслей и построения языкового пространства. Запреты внутри одного языка снимались в другом языке – эта толерантность систем была впитана мальчиком с детства. Для художника не было неизобразимого – то, что было под запретом в фигуративной живописи, легко воплощалось в супрематизме. Узость пространства сюжетного портрета (см. картины *Сестры*, *Цветочница*) преодолевалась выходом в другое измерение холста (см. работы *Портрет Матюшина*, *Англичанин в Москве*).

Счастливое детство сменилось слишком спокойной юностью. На этот возраст пришлось разрозненные попытки учебы рисованию и живописи. Нам будет интересно отметить многочисленность этих попыток и непродолжительность каждой из них. Малевич получил начальные знания о профессии из рук нескольких, разных по манере преподавания, учителей. У каждого из них были свои цели и задачи, так что можно было сравнить методы и достижения поставленной цели. Очевидно, что Казимир учитывал этот опыт в то время, когда сам стал преподавать студентам. Кроме того, каждый из преподавателей обладал своей долей таланта (в силу мастерства) и взглядом на жизнь (в силу возраста), что также оказывало определенное влияние на учеников. Так, если считать подлинными сохранившиеся рисунки в стиле ар-нуво, Малевичу нельзя отказать в умелой компановке фигур и ироничной декоративности композиции в целом (*Общество в цилиндрах*, например). Картинка несколько пестра и шумна (суматошна), но выглядит цельно и воспринимается ясно (однозначно).

На это же время юности приходится первый этап социализации – Казимир с братом женятся на сестрах – дочерях местного врача (неплохая партия). В этом браке все символично – женитьба Казимира на Казимире⁴ выглядела юношеской

² Малевич Людвиг Александровна, в девичестве – Галиновская, (1858–1942).

³ Малевич Северин (1845–1902).

⁴ Зглейц Казимира Ивановна (1881–1942).

шуткой, стремлением „угадать” счастье, утвердить душевную близость через сходство имен... Этот замысел не удался. Тут уместно вспомнить неудачный же, но так красиво обставленный брак Александра Блока с Софьей Менделеевой. В них многое разнится, но и сходство велико. Близость побуждений – символизм, метафоричность, отношение к жизни как к театральной пьесе, которую можно переиграть, в любой момент остановить – и вдруг приходящее осознание, что изменить можно крайне мало, порой даже невозможно, и назад путей не предусмотрено. И наступающее разочарование, крушение планов и надежд (а как были хороши!), и следующее за сим негативное отношение к жизни вообще... А негативизм никому не идет на пользу! Все это носилось в воздухе и было свойственно скорее эпохе, чем конкретным людям...

Видимо, на заключение брака повлиял отец (ему уже около 54 лет и жить оставалось года три, но об этом еще никто не знал). Он торопил первенца занять нишу в жизни. Отец дал ему образование, была достойная (по мнению отца) работа,⁵ теперь должна быть семья. Но крепкой и дружной семьи (такой, как у Северина и Людвиги) у Казимира с Казимирой не получилось. Возможно, Казимир был не лучшим мужем – денег зарабатывал мало, работой тяготился, с детьми не возился, хотя по-своему любил их. Выходов молодой жены „в свет” с Малевичем не предвиделось. Жена ушла. А Казимира Малевича все больше захватывала идея живописи. Он был у истоков создания кружка любителей искусства, дружил с такими же заинтересованными людьми разного возраста, выходил на пленэры – и довольно быстро вырос из всего этого „любительства”. Ему был нужен профессионализм, он начал задыхаться без профессионализма. Кстати пришлось „не так” сложившаяся любовь – руки ощущались развязанными, свободными от необходимости бытовых забот о семье и заработке для детей и жены (мама Людвиги активно и тактично поддерживала быт старшего сына, стараясь при том восстановить и укрепить распадающийся брак – католический брак практически нерасторжим!), отец к этому времени уже умер и не мог осудить легкомысленность сыновних поступков – и Казимир поехал в Москву – не

покорять, а учиться. В этот период жизни все его поступки демонстрируют стремление выйти из ниши обывательской жизни.

Здесь важным видится мотив. Казимир чувствовал несовершенство, нехватку приемов, неумелость в достижении поставленных перед собой живописных целей. К этому моменту он уже знал два подхода к изображению – церковно-иконное плоскостное видение мира и академически-пространственный реализм. Он еще не мог выбрать, но уже чувствовал тесноту ограничивающих рамок этих вариантов живописи. Молодой художник вышел в современное ему новое – он попробовал работать в манере импрессионизма и модерна. Малевич стремился в сообщество людей, одержимых теми же идеями живописного творчества – наступает время объединений, союзов, клубов и кружков. Большие и маленькие ниши помогали поэтам, художникам, артистам и прочим творческим личностям отделиться от других и осознать себя.

Московское училище живописи, ваяния и зодчества осталось в веках заведением, которое трижды не приняло в число своих учеников Казимира Малевича – он оказался неинтересен, работы не достаточно выразительны... Никто ничего интересного в нем не увидел и не разглядел. Правда, Федор Иванович Рерберг⁶ принял в нем участие, как принимал его во множестве других молодых людей, стремившихся к высокому искусству. Однако школа Рерберга дала нечто лучшее, чем стиль письма и манеру смешивать краски – здесь возникла и окрепла дружба двоих людей (Малевича и Ключона⁷), оказавшая серьезное влияние на творческие (да и человеческие аспекты) жизни обоих.

В десятые годы XX столетия разрушались базовые представления о жизни, но Казимир еще не представлял себе всей силы этих разрушений. Пока он получил разочарование от несложившейся семейной жизни – то есть она не походила на доброжелательные и крепкие отношения в семье его родителей, что повлекло за собой некоторое чувство свободы действий без учета интересов молодой семьи. Нерастроченная энергия требовала выхода. Его счастливое детство несколько затянулось, в трудную

⁵ К. Малевич работал чертежником в Управлении Курско-московской железной дороги.

⁶ Рерберг Федор Иванович (1865–1938), брат архитектора И. И. Рерберга (1869–1932).

⁷ Ключонков Иван Васильевич (1873–1943).

юность он вступил „под крылом” семьи и был еще достаточно гибок, чтобы учиться с нуля – и (с согласия мамы) Казимир поехал учиться художественному ремеслу в Москву, так как к 1905 году уже исчерпал все возможности образования, имевшиеся в Курске.⁸ В рамках данного доклада мы не коснемся темы лефортовской коммуны и первых выставок с Товариществом московских художников.

В 1907–1911 годах Малевич много работал над живописными задачами, создал серии, активно пользуясь жизнерадостной палитрой народного искусства – своего украинского детства. Он еще стремился к академичности – большинство сюжетов его картин и набросков имеют истоки в религии или с ней соотносятся. По моде своего времени работы крайне декоративны. Малевич стремился заполнить орнаментами каждый сантиметр поверхности, не оставляя пустот. Невозможно не заметить, что художник использовал строгую симметрию в своих произведениях. Как все это отойдет на второй план уже через несколько лет, как изменятся его взгляды! Но сейчас он накапливал в себе ту энергию, которая разорвет круг обыденной мастеровитости и даст выйти новому искусству!

В *Автопортрете* (ок. 1910 года, ГТГ) Малевич представил себя публике в качестве артиста, демонической личности в темном стильном европейском костюме, на пламенеющем фоне живописной ню, с темноглазым взглядом исподлобья. Герой *Автопортрета* решителен и полон сдержанной силы. У него многое – за спиной, но гораздо больше – впереди.

Несмотря на неудачи в поступлении и распавшуюся семейную жизнь Казимир все еще находился в уютной нише. Фоном где-то происходила революция 1905 года, нарастали движения масс и готовилась мировая война... А 26–29-летний художник упорно шел к своей, еще в детстве возникшей и робко прятанной в душе, цели – быть живописцем. Его придуманные романтические идеалы с Казимиром рухнули, но поддержка матери неизменно с ним. Он получал опору в жизни от семьи в лице мамы и от друга – Ключа. Временами возникала нехватка денег, порой доходило до описывания имущества, но

все как-то разруливалось; пока мама рядом – он во многом огражден от бытовой стороны жизни. К 30-ти годам Малевич набрался опыта, в своем деле – искусстве создания картины – он умеет и может многое. Наступала пора выхода из ниши на открытое пространство.

Часть вторая. Самость

Добрый друг Ключ втянул Малевича в околотеатральную жизнь – друзья решили поставить спектакль *Победа над Солнцем*. И Победа состоялась, только не та, что предполагалась и совершенно на других фронтах... Десятки статей написаны о том, как работал Малевич над образами и декорациями к этой постановке, как в процессе работы возник и утвердился вид черного квадрата на белом фоне – как в раме. Общим достоянием стали результаты исследований холста с черным квадратом, которым замазана не получившаяся супрематическая композиция, четко видимая в лучах при исследовании. Тайна создания черного квадрата раскрыта уже больше десяти лет назад, а нежелание смириться с его существованием все еще остается, подогреваемое снобизмом публики и провокациями доморощенных толкователей.

Круглое – желтое – теплое (Солнце) было закрыто (то есть оказалось побежденным) квадратным – черным. И ведь все это опять – умозрительно! Перед нами – работа ума, воплощенная в материале, овеществленная идея, тревожившая автора и требовавшая выхода.

Еще ряд работ, холст за холстом – и готова экспозиция взрывной выставки *0,10*. Никаких ниш не осталось – Малевич вышел на простор полей искусства и встал подобный исполину. Вроде бы провозглашен полный отказ от фигуративности, а объяснения (как для публики, так и для друзей!!!) давались в привычных терминах, запомнившихся в детстве: В Красном углу – икона *Черного квадрата*...

В 1911–1917 годах жизнь Малевича полнокровна и насыщена. Он стабильно и постоянно участвовал все новыми работами в разнообразном калейдоскопе выставок многочисленных обществ и объединений. Внешне это выглядело так, будто он успевал вступить во все и везде, однако Малевич был в меру избирателен. Его привлекало все творческое, молодое, задорное и авангардное, идущее вперед впереди всех.

⁸ К. Малевич работал на пленэре в группе художников-любителей, участвовал с ними на выставках. Учились друг у друга – насколько это представлялось возможным.

В этих работах Малевича не несколько стилей – это один живой стиль, который поворачивался то той, то другой гранью к зрителю, разными плоскостями проявляясь на холстах. Малевич нашел, нащупал – свое, и разрабатывал это из работы в работу, развивая интересные ему мотивы. Тогда же родилось название из череды разных неточностей – „заумный реализм”, „кубо-футуристический реализм” – возникло емко и ясно: „супрематизм”.

В эти годы художнику казалось, что Прошлое (с его достижениями) уже им изучено. Настала пора смотреть в будущее и приближать это будущее, строить и создавать его. И он занялся делом строительства будущего для друзей и детей – для своих – для всех. Малевичу откровенно нравилось то, что представлялось ему Будущим. Он с удовольствием возводил новое искусство для нового молодого мира.

Живописные изыскания требовали литературного подтверждения. В мире создавались литературнооформленные обоснования новых (и не очень!) теорий относительно всего на свете. Это была эра Манифестов. Манифесты писали коммунисты и футуристы, пессимисты и оптимисты; в Москве и Петербурге тоже были написаны разнообразные манифесты. Малевич выступал с публичными лекциями, докладами. Его приглашали участвовать в диспутах – и он охотно принимал в них участие. Эти мероприятия проходили как в среде дружелюбно настроенной публики, так и среди интересующихся любителей или даже негативно воспринимающих информацию адептов иных верований в искусстве. Такие выступления не только закаляли характер художника и вносили интерес в жизнь, но и исподволь готовили его к преподавательской работе. В эти годы Малевич обосновал для себя новые платформы своего отношения к искусству и его частям и составляющим.

Грянула Революция 1917 года, и вплоть до 1919 года Малевич был занят активным участием в процессах создания комиссий, коллегий, музеев и очагов культуры. Он выдвигался в руководство разными сообществами, переезжал из Москвы в Петроград и обратно, начал преподавать студентам. Параллельно он участвовал в выставках, что свидетельствует о его постоянном занятии живописью – при всей общественной занятости Малевич не расстается с краской и холстами.

В столице страны становится трудно и очень голодно, а у него на руках семья – любимая жена⁹ ждет ребенка, (девочку характерно назовут Уной!). В ноябре 1919 года Казимир Малевич вывез семью в Витебск. Он преподавал в Народном художественном училище, которое возглавлял Марк Шагал. Ученики последнего во множестве переходили учиться в мастерскую приехавшей столичной знаменитости, что во многом определило отъезд Шагала в Европу. Малевич не стремился отбирать чужих студентов, но и не препятствовал им. Уехавший из Витебска Марк Шагал не только остался жить, миновав посадки, чистки рядов и еврейские расстрелы, но и получил всемирную известность. Эти обстоятельства демонстрируют, что результаты потерь порой оказываются полезнее иных находок. Малевич же, в свою очередь, перебравшись из голода и холода в более сытый и теплый Витебск, сумел сохранить жизнь и здоровье своим родным.

Вообще для мастера это был плодотворный год, отчасти – большое подведение итогов. В 1919 году в Москве открылась выставка *Казимир Малевич. От импрессионизма к супрематизму*. В этом же году был издан теоретический труд Малевича *О новых системах в искусстве*. Автор мыслил широко, оперировал всей историей искусства, свободно выводил новые теории и обосновывал свои взгляды, рисуя их перспективы. Времена внесут коррекцию в эти теоретизирования, но само издание оказалось ценно и с годами не потеряло актуальность взгляда изнутри времени своего создания.

Именно в этот период Казимир Малевич сосредоточился на словах, отложив кисти. Группа его учеников – УНОВИС¹⁰ – подражали мастеру, копировали его геометрические фигуры, пытались развивать супрематизм по-своему. Сам же Малевич писал статьи, теоретизировал и философствовал. Так, если у Александра Блока это время характеризовалось „вечным боем”, а *Покой нам только снится*, то у Казимира Малевича главенствовала позиция „вечного покоя” и его Бог – „не скинут”. Именно в эти годы он любим, счастлив, стал отцом целого направления и любимого ребенка. С группой своих

⁹ Рафалович Софья Михайловна (18..-1925), дочь врача, писательница.

¹⁰ „Утвердители Нового Искусства”.

последователей художник работал над дизайном пространства города, имея в виду гораздо более широкие перспективы – масштабы страны и даже человеческого мира. Это было естественным продолжением его работы над спектаклем *Победа над солнцем*, ведь там тоже речь шла о мире людей в его целостности. Художник ощущал ответственность за все человечество и предлагал ему свои перспективные идеи новой – сильной и красивой счастливой жизни. Это счастье длилось до 1925 года, когда умерла любимая жена. Он остался с Уночкой на руках, с подготовленными к печати книгами – в душевной гулкой пустоте.

Время стремительно менялось вокруг художника. Расформировали и переименовали художественный институт в Ленинграде, где он директорствовал (см. соответствующую статью с новыми материалами по теме). Рассыпали набор его теоретического труда о прибавочном элементе в живописи. Казимира Малевича не защитили ни громкое имя, ни широкая известность в узких кругах искусства – как и многих других поэтов, архитекторов, а шире – творческих людей любых профессий. Обстоятельства загоняли художника в нишу. Он должен был „спрятаться”, стать подобным многим другим – или продолжать быть самим собой, ни на кого не похожим, но такое поведение влекло за собой наказание.

Художник стал вглядываться в прошлое – что там было не так. Его просторы сжались и сам он обратился к личным переживаниям человека – отдельно взятого человека, а не человечества в целом. Изменилась его живопись.

Часть третья. Снова ниша

Так сложились обстоятельства, что Малевичу пришлось создать копии своих работ периода импрессионизма и раннего супрематизма. Художник по памяти нарисовал большое количество холстов, повторяя свои старые работы. Новые холсты конца 20-х-30-х годов выглядели совсем иначе. Мужской торс в кричаще-желтой рубашке выглядел так беспомощно на фоне огромной земли, которую он не мог возделывать или защитить – рук у него не было (или они связаны за спиной?). На горизонте – маленькие

как грибы – человеческие домики на пестрой большой земле стояли будто в пустыне – одиноко и почти ненужно... А с другой стороны – был написан портрет дочки Уны, в зайчиках солнечного света стоявшей на лесной дорожке среди деревьев. В этом портрете была масса импрессионизма и надежды не были потеряны. Казимир Малевич написал и свой портрет – в стиле раннего Возрождения (1933, ГРМ). Такой не очень молодой человек с невидимой медалью в руке. В нем есть правильное расположение фигуры, строго по итальянским традициям кватроченто. А расцветка костюма и весь облик перекликаются с тем ранним портретом, где взгляд из-под бровей буравит зрителя... Получилась переключка двух эпох. Вот яркий горящий портрет молодого человека, полного энергии – а вот он же, возросший в опыте, почти степенный, мудрее и спокойнее, увереннее и значительнее. Перед зрителем стоял герой, продолжающий традиции Высокого искусства, наследник Возрождения. А все прочее – горе, болезни, человеческая суета суется – оставалось где-то за рамками. Он – смог, сумел пройти по жизни верно, создав свое, вписав строчки в историю искусства, а остальное для героя портрета стало не так уж важно.

Последняя точка – смерть – была обставлена супрематически. Ученики постарались выполнить завет учителя. Это было особенно важно для них – попробовать на практике осуществить нечто авангардное. Это случилось практически последний раз в уходящей эпохе, поэтому стало особенно памятным событием. Так Малевич вновь вышел из ниши на широкий простор. После смерти, именем, но все же вышел.

Реализовав в конце XX века установку в Немчиновке памятного знака о Казимире Малевиче, мы надеялись хотя бы восстановить справедливость и вернуть имя творца в художественный обиход страны.

Казимир Малевич стал настоящей творческой личностью. Сложившаяся личность, уверенная в своих идеях, не только воплощает их, но и готова отстаивать эти творческие взгляды. Так, становится понятно, что К. Малевич, будучи верным своим, сложившимся в результате жизненного пути, платформам и идеям, будет защищать их до конца. Ему проще было расстаться с жизнью, чем отказаться от своих взглядов.

Библиография

- Вакар, Мищенко 2004 = Вакар, И[рина] А., Мищенко, Т[атьяна] Н. (сост.): *Малевич о себе. Современники о Малевиче*, в 2 т., РА, Москва 2004.
- Малевич 1987 = Малевич, У[на] К.: „Воспоминания Уны Казимировны Малевич”, рукопись, 1987. Архив А. А. Шумова М.- Цюрих.
- Douglas 1994 = Douglas, Charlotte: *Kazimir Malevich*, Thames and Hudson, London 1994.

Tatyana M. Shumova

Kazimir Malevich.

Specific of his life through the view of the psychology

This article is about the situation of choice between freedom for creation and calm convenient life. The beginning of everyman is based at the childhood. The childhood of K. Malevich was happy enough to grow up in kindness. His family was multicultural and free in religion views. Later on his ideas and plans were not successful for some years. We are looking at the process – how Malevich did not want to stay in worm situation of ordinary life. He burn all spears of it and moved to the fields of painting. He had some more years when he was happy, successful and well-known. He became free in creation. He painted suprematism and went through it to the future. He wrote books and conversed with students. The situation into the country changed. He became not need in the new life. Many painters and artists of the different spheres cover themselves into shelter. K. Malevich made the last view at his life and choose death not safe.